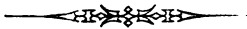

КАВКАЗСКІЙ
ПУТЕВОЙ ДНЕВНИКЪ

Кн. В. Мещерскаго.

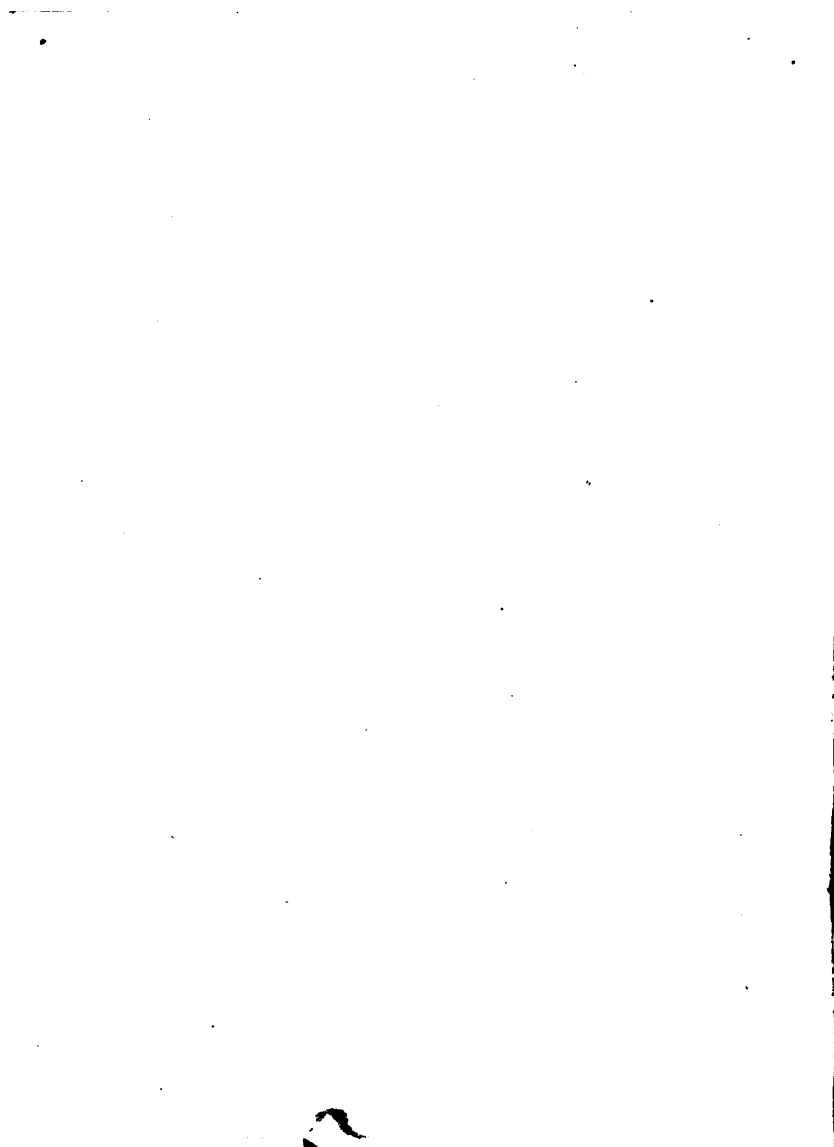
Цѣна 1 р.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Г. Е. Благосвѣтлова, Надеждин. ул., д. № 39.

1878.

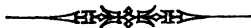
КАВКАЗСКІЙ
ПУТЕВОЙ ДНЕВНИКЪ.

0

КАВКАЗСКІЙ ПУТЕВОЙ ДНЕВНИКЪ

Кн. В. Мещерскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Г. Е. Благосѣтлова, Надеждин. ул., д. № 39.
1878.

Ott 735.16

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
JAN 19 1924

24-13
338

Понедѣльникъ, 3 октября, Рязанская же- лѣзная дорога.

Сегодня, въ 4½ часа, двинулся съ Божіею помощью въ далекій путь, на Кавказъ. Управленіе дороги было настолько обязательно, что, снесшись съ четырьмя правленіями, дало мнѣ багажный вагонъ прямого сообщенія до Владикавказа. Въ этомъ вагонѣ помѣстили порученныя мнѣ посылки въ Дѣйствующую Армію. Посвятилъ конецъ дня на приведеніе въ порядокъ впечатлѣній и воспоминаній. Въ Москвѣ засидѣлся дольше, чѣмъ предполагалъ. Закупки, счета и расчеты, требовавшіе полного вниманія, задержали. Нашелъ Москву раздѣленною, какъ и Петербургъ, на два духовные міра: міръ унылыхъ и міръ вѣрующихъ и надѣющихся. Извѣстная частица московскаго high-

life, подражая по обычаю петербургскому, находить, что больше намъ нечего желать, какъ мира. благосклонно октроированнаго намъ Турціею! Для нихъ „Московскія Вѣдомости“ и Славянскій Комитетъ съ Аксаковымъ представляются врагами сильнѣе и опаснѣе, чѣмъ Турки. Эти барыни и ихъ кавалеры молятся Богу по-французски и просятъ его объ одной лишь побѣдѣ Русскихъ — не для торжества дѣла, а для пріобрѣтенія возможности заключить миръ. Имъ не только дѣла нѣтъ до цѣли драмы, до ея характера, до ея историческаго смысла для Россіи; имъ даже нѣтъ дѣла до той правды, которая свидѣлствуетъ, что мы никакого пораженія постыднаго не потерпѣли въ этой войнѣ, и что неудавшіяся атаки не могутъ быть названы пораженіями. Нѣтъ дѣла и до того, сколько разъ наши войска покрылись славой. Нѣтъ, имъ скорѣе нуженъ миръ, чтобы безъ малѣйшей *fausse honte* предаваться тѣмъ пустякамъ, которые составляютъ сущность великосвѣтской жизни. Весь этотъ міръ неизбѣжнаго лишенія себя прихотей, серьезныхъ заботъ, чисто-духовныхъ интересовъ и всякихъ жертвъ, все это имъ скучно и слишкомъ для нихъ аномально. Когда имъ говоришь: *mesdames et messieurs*, вы правы, время тяжелое, миръ лучше войны, но можете-ли вы

намъ обѣщать, что когда наступить вами столь легкомысленно желаемый миръ, вы намъ дадите для души отрадное и облагораживающее зрѣлище людей, всецѣло преданныхъ духовнымъ нуждамъ своего государства и народа,—они затыкаютъ себѣ уши и говорятъ вамъ: какіе тамъ духовные интересы, какое тамъ государство, какой тамъ народъ; мы хотимъ мира для себя; курсъ до того упалъ, что нельзя ни ѣхать за-границу, ни выписывать изъ Парижа и Лондона платья и вещи! Такова приблизительно среда, желающая мира во что-бы ни стало. Ей ненавистны не только Аксакловъ и Катковъ, но ненавистенъ Гладстонъ, за то, что протестуетъ за честныхъ людей Англіи и говоритъ за Славянъ, и противъ Турціи; ей ненавистна самая мысль, что Россія не есть просто какой-нибудь Невскій проспектъ или Кузнечкѣй мость, а нѣчто болѣе сложное и серьезное, съ какою-то народностью, съ какою-то исторіей, съ какими-то тенденціями и съ какимъ-то русскимъ элементомъ...

Невольно я подумалъ, что стало-бы съ бѣдною Россіей, если-бъ она должна была плясать по дудкѣ такого именно русскаго *высшаго общества*. Но, въ счастью, въ этомъ высшемъ обществѣ, и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ есть и другая его часть—

часть *большая* которая, благодаря Бога, представляет собою отрадное зрѣлище *русскихъ*, въ полномъ смыслѣ этого слова, женщинъ, понявшихъ высокое призваніе своего времени и своего народа, и ставшихъ примѣромъ, то-есть дѣломъ, на высотѣ своего высокаго положенія. Говорятъ, что въ наши дни нѣтъ чудесъ. Да какое-же чудо можетъ быть поразительнѣе тѣхъ періодически повторяющихся въ Россіи событій, которыя направляютъ ея судьбы по волѣ и духу народа, и проявляютъ торжество того духовнаго міра людей, который вѣритъ въ Бога и молится Ему, вѣритъ въ свой народъ и любитъ его, являетъ подвиги самопожертвованія и исполненія долга во имя тѣхъ идеаловъ, которые въ нормальное время кажутся высшему обществу и ея интеллигенціи смѣшными и глупыми!..

Сегодня мы переживаемъ одно изъ такихъ событій. Космополиты русскаго большого свѣта изъ себя лѣзутъ, чтобы захватить политическія событія въ свои бѣленькія ручки, а между тѣмъ незамѣтно и непонятно какъ, черныя ручищи смиреннаго, тихаго, кроткаго, но глубоко вѣрующаго народа двигаютъ событія, безъ криковъ и шума, въ полномъ объединеніи съ другою частью высшаго общества. Великое таинство народа, совер-

шающаго свое историческое призваніе, ощущается въ воздухѣ, но исправники и станové весьма озадачены, ибо не могутъ ни внести оное въ офіціальныя рамки, ни выразить цифрами и именами.

Я гляжу изъ окна вагона. Массы народа на каждой станціи входятъ въ вагоны и выходятъ изъ вагоновъ. Все это именно *народъ*. Я прислушиваюсь къ ихъ разговору. Кто бранится, кто остритъ насчетъ своего сосѣда, кто ищетъ топоръ или пилу, или сумку, кто сапоги подбираетъ на плечи, кто ищетъ воды, чтобы напиться... Я немедленно представляю себя петербургскимъ великосвѣтскимъ чиновникомъ.

— Подлецы, говорю я.

— Кого это вы изволите бранить? спрашиваетъ меня кто-то.

— Да этихъ славянофиловъ.

— За что-же?

— Какъ за что? Вы видите, вы слышите, вотъ онъ народъ, хоть-бы одинъ о войнѣ заговорилъ, хоть-бы одинъ, а увѣряютъ, что народъ хотѣлъ войны.

Я подозвалъ одного крестьянина къ вагону.

— Поди-ка сюда.

— Чего изволите?

— Ты Османъ-пашу знаешь?

— Это Турку-то?

— Да, гдѣ онъ находится, знаешь-ли ты?

— А кто его знаетъ, ваше высокоблагородіе, ихъ тоже, какъ слыхать, много.

— А Оттоманскую Порту знаешь?

— Что-то не слыхалъ.

— Ну, а про братьевъ-Болгаръ слыхалъ?

— Это про нашихъ-то?

— Какіе наши, про Болгаръ, про Славянъ?

— Это должно быть про тѣхъ самыхъ, что Турки рѣжутъ?

Сатанинская улыбка пробѣжала по моимъ губамъ.

— Видите, ничего вѣдь этотъ народъ точно и опредѣленно не знаетъ, сказалъ я,—а изъ-за нихъ изволь-ка платить проценты изъ своего жалованья, да еще съ полтинникомъ въ карманѣ вмѣсто рубля сидѣть.

Вторникъ, вечеръ, между Воронежемъ и Ростовомъ, 4 октября.

Длинная линія, идущая почти по прямому направлению изъ Москвы до Владикавказа, весьма наглядно измѣняетъ свой характеръ по мѣрѣ приближенія къ югу. Отъ Москвы до Рязани линія желѣзной дороги представляетъ собою богатѣйшую жизненную артерію, гдѣ ни на минуту въ теченіе года не притихаетъ движеніе. Отъ Рязани до Воронежа разомъ эта артерія блѣднѣетъ и слабѣетъ. Въмѣсто 120—150 тысячъ пассажировъ въ мѣсяцъ, перевозимыхъ по Рязанской дорогѣ, тахіишм доходитъ до 30—40 тысячъ. Затѣмъ, отъ Воронежа къ Ростову еще яснѣе бросается въ глаза уменьшеніе пассажирскаго движенія. Сообраз-

но съ этимъ и дороги устроены. На Рязанской дорогѣ все въ отличномъ состояніи—и рельсовый путь, и надзоръ, и подвижной составъ, и пассажирское движеніе поѣздовъ; на линіи Козлово-Воронежской вы начинаете уже замѣчать, на-сколько путь хуже и перевозочныя средства слабѣе, чѣмъ на Рязанской дорогѣ, а уже отъ Воронежа до Ростова вы чувствуете подъ собой шаткую почву пути, на которомъ такъ себѣ, безъ всякой особенной понудительной причины, поѣздъ можетъ опрокинуться или соскочить съ рельсовъ. Пассажирскаго движенія такъ мало, что смѣшно. За то товарное съ каждымъ днемъ усиливается, благодаря громадности нуждъ на Кавказѣ и сбыту товаровъ съ Нижегородской ярмарки на югъ. Но, увы! на каждой станціи вы видите, что подвижного состава на перевозку этихъ крайне нужныхъ и крайне многихъ товаровъ недостаетъ. На платформахъ свалены громадныя склады товаровъ и хлѣба: одна часть подъ навѣсомъ, другая подъ брезентами, третья подъ небесами. На Московской станціи Рязанской дороги я имѣлъ случай убѣдиться, какъ велико движеніе товаровъ и транспортовъ на Кавказъ. Однихъ полушубковъ для арміи отправляется до 5,000 пудовъ. Судя по времени отправления, можно догадываться, что Кав-

казское интендантство на зимнюю кампанію не рассчитывало.

— Когда дойдутъ эти полушубки? спросилъ я у одного изъ приказчиковъ.

— А кто ихъ знаетъ; полагать надо, такъ черезъ мѣсяцъ.

Отправлялъ эти полушубки подрядчикъ, знаменитый г. Малкiель. Я говорю знаменитый, ибо кто не знаетъ въ Москвѣ этого подрядчика и поставщика Монте-Кристо, у котораго строятся дворцы въ Москвѣ, какъ у Филиппова пекутся калачи, и который теперь, кромѣ того, пріобрѣтаетъ славу могущественнаго благотворителя и жертвователя.

Кстати объ интендантствѣ. Мнѣ припомнился прошлогодній осенній эпизодъ изъ жизни московскихъ интендантскихъ чиновниковъ, исторически вѣрный.

— Хорошо, кабы война была, сказалъ одинъ.

— А на что вамъ такъ хочется? спросилъ его знакомый господинъ.

— Какъ на что? Спустить надо цѣлую партію мундировъ.

— Зачѣмъ-же спустить?

— А за тѣмъ, что какъ война, такъ все сходитъ, а въ мирное время такой партіи не спустить.